

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Ксенофонтов Игорь Алексеевич

**Внешнеполитический фактор в деятельности
чешской Национальной партии (1860–1871)**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре истории южных и западных славян
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель —

Ненашева Зоя Сергеевна —
кандидат исторических наук, доцент

Официальные оппоненты —

Матвеева Анна Геннадьевна —
доктор исторических наук,
Институт всеобщей истории РАН,
отдел новой и новейшей истории,
ведущий научный сотрудник

Медяков Александр Сергеевич —
доктор исторических наук, доцент
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
исторический факультет, кафедра новой
и новейшей истории, профессор

Павленко Ольга Вячеславовна —
доктор исторических наук, доцент,
Российский государственный
гуманитарный университет, факультет
международных отношений, кафедра
зарубежного регионоведения и внешней
политики, заведующий

Защита диссертации состоится «28» сентября 2026 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.056.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А–419.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3923>

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. 1860-е – 1871 гг. – время мощных трансформаций как на международной арене, так и внутри европейских стран. Внешнеполитический фон для монархии Габсбургов был крайне нестабильным, если не сказать дестабилизирующим. На первый план вышли немецкое и итальянское объединительные движения. Обострилась польская проблема, активизировались национальные движения югославянских¹ народов.

При этом Австрийской империи по-прежнему не хватало «внутренней целостности»². В начале 1860-х гг. австрийские немцы и мадьяры, а также малые народы монархии, выдвигая собственные национальные программы, стремились к развитию парламентаризма и введению конституции. Это вступало в конфликт с традиционной абсолютистской структурой. Ситуация с чехами осложнялась еще и тем, что политико-правовой статус чешских земель (Богемия, Моравия, Верхняя и Нижняя Силезия), по мнению местной элиты, не соответствовал их вкладу в развитие страны.

В эпоху «конституционных экспериментов», начатых Веной на рубеже 1850–1860-х гг., в Богемии оформилась Национальная партия, в которой заявляли о себе представители двух фракций – старочехов и младочехов³. Ее возглавляли Ф. Палацкий и его зять Ф.Л. Ригер. Благодаря им деятельность партии носила многоуровневый характер (или была близка к этому): в рамках чешских земель, в империи в целом и на международной сцене, в том числе в общеславянском контексте. Вопрос о соотношении внешне- и внутривнутриполитического факторов в поисках Национальной партией форм

¹ Речь идет о населении Хорватии, Славонии и Далмации (хорватах и славонцах), а также о сербах, проживавших на территории Венгерского королевства, и о словенцах Штирии, Каринтии и Крайны. Термин «югославяне» широко используется в историографии, хотя указанные народы не представляли собой единой этнической и политической общности.

² Медяков А.С. Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010. С. 9–10.

³ Обе фракции были идеологически схожи (к середине 1860-х идейной платформой у них стало историческое право), отличия между ними проявлялись в отдельных вопросах легальной политической тактики. Нередко представители этих партийных течений выступали единым фронтом.

взаимодействия с правительственными структурами и общественными деятелями внутри страны и за ее пределами являлся ключевым для чешской элиты. Особенно значимыми для всех сторон, с которыми контактировали чехи, стали чешско-австрийские переговоры 1871 г. и реакция на них. Между тем, в исторической науке по-прежнему отсутствует комплексное исследование, посвященное определяющим направлениям заграничной деятельности рассматриваемого объединения.

Объектом исследования является чешская Национальная партия. **Предметом исследования** становится взаимодействие партийных руководителей с российскими, французскими, польскими и югославянскими политиками и общественными деятелями, обусловленное стремлением чехов преобразовать статус своих земель в монархии Габсбургов, а также имперские внутри- и внешнеполитический курсы в целом.

Цель диссертации – установить, что обуславливало трансформацию планов и исход действий Национальной партии, связанных с попыткой придать чешскому вопросу международное звучание. Из этой цели проистекает ряд **задач**:

1. выделить предпосылки, благодаря которым руководители Национальной партии к началу 1860-х гг. выработали собственное внешнеполитическое видение;
2. проследить, как менялись чешско-российские отношения, дать характеристику чешскому русофильству;
3. восстановить картину развития чешско-французских связей, обозначить особенности чешского франкофильства;
4. установить роль польского фактора в чешской политике, в развитии чешско-французских и чешско-российских контактов;
5. выяснить, какое значение имела проблема югославянского единства для руководства Национальной партии;
6. определить, какой партийные лидеры видели внешнюю политику монархии Габсбургов во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг.

Хронологические рамки исследования включают в себя период 1860–1871 гг. Нижняя граница обосновывается началом в монархии Габсбургов эпохи «конституционных экспериментов» и появлением Национальной партии. Верхней границей является крах австро-чешских переговоров (конец октября 1871 г.), которые ознаменовали провал проекта чехов по федерализации империи (или по крайней мере ее западной части). Кроме того, сближение Австро-Венгрии и объединенной Германии показало несостоятельность попыток Национальной партии переориентировать внешнюю политику Вены.

Методологическую основу диссертации составил принцип историзма и связанный с ним историко-генетический метод. Он позволил выявить узловые точки и поворотные моменты в исследуемых процессах. В рамках системного метода зарубежные контакты Национальной партии рассматривались не как изолированные элементы, но как явления, подверженные влиянию политических реалий в монархии Габсбургов и тенденций на международной арене. В диссертации также задействован сравнительный метод.

Источниковая база исследования представлена различными типами письменных источников – как неопубликованными, так и опубликованными.

К первой группе относятся **архивные материалы**. В работе важную роль играют документы из Архива внешней политики Российской империи, а именно донесения из Вены российских дипломатов за 1860–1871 гг. из фонда № 133 «Канцелярия министра иностранных дел». Важными являются материалы из фонда Ф.Л. Ригера (пражский Архив Национального музея).

Опубликованные источники представлены разными видами. В диссертации использовалась французская дипломатическая переписка, изданная парижским МИД⁴. Выделим также сборник «Политические

⁴ Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents. T. 1. Paris, 1910. Les origines diplomatiques... T. 10. Paris, 1915. Les origines diplomatiques... T. 15. Paris, 1924. Les origines diplomatiques... T. 17. Paris, 1925. Les origines diplomatiques... T. 18. Paris, 1925. Les origines diplomatiques... T. 20. Paris, 1927. Les origines diplomatiques... T. 21. Paris, 1928. Les origines diplomatiques... T. 25. Paris, 1929. Les origines

программы чешских национальных партий. 1860–1890»⁵. Дополнением к нему служат два собрания документов под редакцией З. Веселого⁶.

В работе в большом объеме задействована **чешская** (Národní listy, Pokrok) **французская** (Le Temps, La Liberté, Le Mémorial diplomatique, Le Pays, L'Univers, Journal des Débats) и **русская периодика** («День», «Голос», «Московские ведомости») того времени.

Среди **источников публицистического характера** отметим сборник Radhost с политическими размышлениями Ф. Палацкого⁷, выступления и речи Ф.Л. Ригера⁸, цикл его статей⁹. Привлечены сочинения и авторов младочешского круга¹⁰. Представления о чехах во французской интеллектуальной среде раскрывают работы С. Робера¹¹, И. Деспре¹², С.-Р. Тайандье¹³, Л. Леже¹⁴ и др.

Последней группой источников являются **материалы личного происхождения**: воспоминания Ф.Л. Ригера¹⁵, О. фон Бисмарка¹⁶,

diplomatiques... T. 27. Paris, 1930. Les origines diplomatiques... T. 28. Paris, 1931. Les origines diplomatiques... T. 29. Paris, 1932. *Kazbunda K.* Trois documents relatifs au mémorandum de Rieger à Napoléon III (1869) // *Le Monde Slave*. 1925, juillet. P. 139–141.

⁵ *Cibulka P. (ed.)* Politické programy českých národních stran. 1860–1890. Praha, 2000.

⁶ *Veselý Z. (ed.)* Dějiny české politiky v dokumentech. Praha, 2005; *Veselý Z. (ed.)* Dějiny českého státu v dokumentech. Praha, 2003.

⁷ *Palacký F.* Radhost. Díl třetí. Praha, 1873.

⁸ Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV. Praha, 1888; Řeči dra. Frant. Lad. Riegra. Díl I. Praha, 1923.

⁹ *Rieger F.L.* Les slaves d'Autriche et les Magyars. Paris, 1861.

¹⁰ *Heller S. (ed.)* Výbor z politických řečí a úvah Dra. Karla Sladkovského. Praha, 1899; *Tonner E.* Poláci a Češi. Praha, 1863; Pout' Slovanův do Ruska roku 1867 a její význam. Praha, 1867.

¹¹ *Robert C.* Le monde gréco-slave. Du Mouvement unitaire de l'Europe orientale // *Revue des Deux Mondes*. T. 8. № 3 (1er novembre 1844). P. 427–464.

¹² *Desprez H.* Les peuples de l'Autriche et de la Turquie. T. 1. Paris, 1850.

¹³ *Taillandier S.-R.* L'Autriche et la Bohême en 1869: la question tchèque et l'intérêt français // *Revue des Deux Mondes*. T. 82. № 3 (1er août 1869). P. 513–544. *Taillandier S.-R.* L'histoire et l'historien de la Bohême. Franz Palacky // *Revue des Deux Mondes*. T. 10. № 2 (15 avril 1855). P. 360–397.

¹⁴ *Leger L.* Chants héroïques et chansons populaires des Slaves de Bohême. Paris, 1866; *Leger L.* La crise autrichienne. La diète de Bohême et le Fédéralisme. Paris, 1868. *Leger L.* La diète de Bohême et le Fédéralisme // *Revue moderne*. T. 48. Quatrième livraison. 10 octobre 1868. P. 766–781.

¹⁵ *Rieger B.* Z vlastních pamětí Fr. Lad. Riegra // *Osvěta*. 1906. № 1–2, 4–5.

¹⁶ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940.

Ф. Бойста¹⁷, А. Шеффле¹⁸, Л. Леже¹⁹. Из **дневников** использовались записи младочеха Э. Грегера²⁰ и старочеха Й. Калоусека²¹.

Среди **корреспонденции** значительными публикациями стали переписка Ф.Л. Ригера²² и Ф. Палацкого²³. По-прежнему не теряет актуальности издание «Зарубежные славяне и Россия»²⁴. В начале XXI в. переписку М.Ф. Раевского с чешскими адресатами издал В. Дубек²⁵.

Описанная источниковая база является достаточно разносторонней, чтобы раскрыть тему и выполнить цели и задачи исследования.

Степень разработанности темы диссертации по-разному проявляется в мировой науке. Так, *чешская историография* начала осмыслять зарубежные акции чешских лидеров уже в начале XX в. в рамках обобщающих работ²⁶.

В межвоенной Чехословакии хорошую почву для анализа чешского русофильства и франкофильства подготовил К. Казбунда²⁷. Его исследования продолжали Г. Йелинек²⁸, Я. Опоченский²⁹. Отдельно отметим монографию Й. Йирасека³⁰.

После установления социалистического строя в чехословацкой науке стал доминировать марксистский подход. 1960-е гг. – период исключительного внимания к теме русофильства и полонофильства. В это

¹⁷ Worms H. de (ed.) Memoires of Count Friedrich Ferdinand von Beust written by himself. Vol. 2. London, 1887.

¹⁸ Schöffle A. Aus meinem Leben. Bd. I–II. Berlin, 1905.

¹⁹ Leger L. Vzpomínka na Františka Palackého // Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého. Praha, 1898. S. 153–157; Leger L. Souvenirs d'un slavophile. Paris, 1905.

²⁰ Grégr E. Deník. Díl I. 1848–1870. Praha, 1908.

²¹ Klečacký M., Fabini P., Velek L. (eds.) Deníky Josefa Kalouska. Díl I–II. Praha, 2016.

²² Heidler J. (ed.) Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl I. Praha, 1924; Heidler J. (ed.) Příspěvky k listáři dra Frant. Lad. Riegra. Díl II. Praha, 1926.

²³ Zibrt Č. Z dopisů Františka Palackého synu Janovi 1848–1874 // Osvěta. 1909. S. 150–162.

²⁴ Матула В., Чуркина И.В. (сост.) Зарубежные славяне и Россия. Документы архива Раевского. 40–80 годы XIX в. М., 1975.

²⁵ Doubek V. (ed.) Cesty na východ. Češi v korespondenci M. F. Rajevského. Praha, 2006.

²⁶ Kramář K., Tobolka Z. Česká politika. Díl 3. Praha, 1909.

²⁷ Kazbunda K. Pout' Čechů do Moskvy a rakouská diplomacie. Praha, 1924. Kazbunda K. Deux memoranda de Rieger // Le Monde Slave. 1925, juillet. P. 102–138.

²⁸ Jelínek H. F.L. Rieger et la France // Études tchécoslovaques. Paris, 1927. P. 121–137.

²⁹ Opočenský J. La protestation des députés tchèques de la diète de Bohême contre l'annexion de l'Alsace – Lorraine // Le Monde Slave. 1930, juillet. P. 170–200.

³⁰ Jirásek J. Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1867. Praha, 1929.

время вышли статьи В. Чейхана³¹, В. Жачека³², И. Влчека³³, Р. Гавранковой³⁴. Упомянем также монографию Й. Колейки³⁵ и коллективный труд «Славянство в национальной жизни чехов и словаков»³⁶. Появилась новая интерпретация чешско-российских³⁷ и чешско-польских отношений³⁸.

В 1970-е годы обозначенные проблемы разрабатывали М. Шестак³⁹, Ф. Йордан⁴⁰, Т. Ивантышинова⁴¹. В этот период вышла коллективная монография по истории чешско-югославянских связей⁴². Статья Б. Кушнериковой (Ференчуговой)⁴³ стала одной из немногих, посвященной чешско-французской тематике.

В 1980-е гг. в чехословацкой историографии были опубликованы труды О. Урбана⁴⁴ – одни из лучших по истории чехов в Новое время. В середине десятилетия наблюдался новый всплеск интереса к чешско-русской проблематике⁴⁵.

На рубеже XX и XXI вв. оживился интерес ученых к исследованию чешского франкофильства⁴⁶. Из современных авторов важнейшее место в изучении чешско-французских связей занимает И. Пфафф⁴⁷.

³¹ Čejchan V. Carské řády Čechům roku 1862 // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. C, Řada historická. 1961, roč. 10, č. C8. S. 376–396.

³² Žáček V. Češi a Poláci v době Lednového povstání polského // Československý časopis historický. 1963. č. 11. S. 717–741; Žáček V. Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867 // Slovanský přehled. 1968. č. 3. S. 202–211.

³³ Vlček I. Smysl české pouti na Rus // Slovanský přehled. 1967. č. 57. S. 354–361.

³⁴ Havráňková R. Zájem o balkánské Slovany jako složka českého slovanství v 19. století // Slovanské historické studie VII. Praha, 1968. S. 195–218.

³⁵ Kořejka J. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964.

³⁶ Šťastný V. (red.) Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha, 1968.

³⁷ Čejchan V. (red.) Dějiny československo-sovětských vztahů nové a nejnovější doby. Díl 1. Praha, 1967.

³⁸ Žáček V. (ed.) Češi a Poláci v minulosti. Sv. 2. Období kapitalismu a imperialismu. Praha, 1967.

³⁹ Šesták M. Chorvatská otázka v české politice 1860–1864 // Československý časopis historický. 1972. č. 1. S. 39–70. Šesták M. Chorvatská a česká politika v letech 1865–1866 // Československý časopis historický. 1972. č. 3. S. 309–338.

⁴⁰ Jordan F. Češi a Slováci v 19. a na začátku 20. století (jejich vztahy veřejné a politické) // Hejl F., Kolečka J. (red.) Otázky dějin střední a východní Evropy. Sv. 1. Brno, 1971. S. 263–292.

⁴¹ Ivantyšinová T. K názorom slavjanofilov na postavenie Čechov a Slovákov v Rakúsku v šesťdesiatych rokoch 19. storočia // Slovanske štúdie XVI. Bratislava, 1975. S. 143–162.

⁴² Žáček V. a kol. Češi a Jihoslované v minulosti. Od nejstarších dob do roku 1918. Praha, 1975.

⁴³ Kušnieriková B. Revue des Deux Mondes o Čechoch, Slovácích a národnostnom problému v Habsburskej monarchii pred rokom 1871 // Slovanské štúdie XVII. Bratislava, 1976. S. 269–296.

⁴⁴ Urban O. Česká společnost (1848–1918). Praha, 1982; Urban O. Vzpomínka na Hradec Králové: (drama roku 1866). Praha, 1986.

⁴⁵ Ivantyšinová T. Češi a Slováci v ideologii ruských slavjanofilov (40. – 60. roky XIX. storočia). Bratislava, 1987.

⁴⁶ Ferencuhová B. (ed.) Francúzsko a stredná Európa (1867–1914). Vzťahy medzi Francúzskom a strednou Európou v rokoch 1867–1914. Bratislava, 1995; Horská P. Sladká Francie. Praha, 1996; Lenderová M. Několik poznámek k audienci F. L. Riegra u Napoleona III. // Acta historica et museologica Universitatis Silesianae Opaviensis. 2000. č.

В начале ХХI в. чешская наука вновь вернулась к оценке русофильства и понятий, сопряженных со славянством. К этой проблематике обращались В. Доубек⁴⁸, Р. Влчек⁴⁹, М. Главачка⁵⁰.

В немецкоязычной историографии важную роль в появлении комплексных исследований по истории Австро-Венгрии, ее национальному вопросу сыграл Г. Ханч. Его работы⁵¹ касались и попыток чехов обрести союзников в Санкт-Петербурге и Париже. Схожими сюжетами занимался Э. Бирке⁵².

В 1980 г. вышел третий том труда «Габсбургская монархия 1848–1918», сосредоточенный на изучении прошлого населявших ее народов⁵³. Отметим также сборник «Франция и чешские земли в 19 и 20 вв.»⁵⁴ и одну из статей Т. Клетечки⁵⁵.

Что касается французской историографии, то уже в 1879 г. было опубликовано исследование Л. Леже⁵⁶. В 1903 г. издал свою работу Э. Дени⁵⁷. В межвоенную эпоху чешский вопрос рассматривался в коллективной монографии «От либерализма к империализму: 1860–1878»⁵⁸.

В 1960-е гг. французская славистика продолжала интересоваться историей чехов⁵⁹. В 1980-е гг. была издана книга М. Бернара⁶⁰. В 1980–1990-е историей франко-чешских связей активно занимался А. Маре⁶¹.

5. S. 253–263; *Lenderová M.* Mezi Paříží a Moskvou – Riegrový cesty na jaře roku 1867 // *Navrátil I. (red.) F. L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století. Semily, 2003. S. 84–93.*

⁴⁷ *Pfaff I.* Francie a Čechy v Evropě národních států. Francouzská politika F.L. Riegra 1867–1878. Praha, 2013.

⁴⁸ *Doubek V.* Česká politika a Rusko (1848–1918). Praha, 2004.

⁴⁹ *Vlček R.* Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha, 2002.

⁵⁰ *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию // *Славяноведение.* 2007. № 1. С. 54–65.

⁵¹ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. Bd. 2. Buch III. Graz – Wien – Köln, 1953; *Hantsch H.* Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung. Wien, 1953.

⁵² *Birke E.* Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert. Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Köln – Graz, 1960.

⁵³ *Crampton R.J., Kořalka J.* Die Tschechen. Die Entwicklung der sozialen und politischen Struktur // *Wandruszka A., Urbanitsch P. (eds.) Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. III. 1. Teilband. Wien, 1980. S. 499–509.*

⁵⁴ *Seibt F., Neumüller M. (eds.)* Frankreich und die böhmischen Länder im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum französischen Einfluss in Ostmitteleuropa. München, 1990.

⁵⁵ *Клетечка Т.* Попытка соглашения правительства Гогенварта с чехами в 1871 г. // *Австро-Венгрия: опыт многонационального государства.* Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995. С. 71–81.

⁵⁶ *Leger L.* Histoire de l'Autriche-Hongrie: depuis les origines jusqu'à l'année 1878. Paris, 1879.

⁵⁷ *Denis E.* La Bohême depuis La Montagne-Blanche. Deuxième partie. Paris, 1930.

⁵⁸ Впервые опубликована в 1939 г. При написании диссертации использовалось более позднее издание: *Hauser H., Maurain J., Benaerts P., L'Huillier F.* Du libéralisme à l'impérialisme: 1860–1878. Paris, 1952.

⁵⁹ *Tapié V.-L.* Monarchie et peuples du Danube. Paris, 1969.

На современном этапе одним из крупнейших специалистов по чешско-французским взаимоотношениям является С. Резников⁶².

В англоязычной историографии важно выделить статьи Р. Канна⁶³ и Д. Брэдли⁶⁴.

В отечественной дореволюционной историографии деятельность Национальной партии затрагивалась весьма опосредованно⁶⁵. Куда больше внимания ей уделялось в советский период в работах С.А. Никитина⁶⁶, Н.Д. Ратнер⁶⁷ и В.В. Леоновой⁶⁸. В 1989 г. вышла коллективная работа «Чешская нация на заключительном этапе формирования»⁶⁹.

В постсоветской историографии с середины 1990-х по конец 2000-х гг. наблюдался интерес к теме Славянских съездов⁷⁰. В начале XXI в. исследованиями российского фактора в чешской политике занимались З.С.

⁶⁰ Bernard M. La mémoire de Prague: conscience nationale et intelligentsia dans l'histoire tchèque et slovaque. Paris, 1986.

⁶¹ Marès A. De l'intérêt en France pour les Pays tchèques au XIXe siècle et au XXe siècle // Bulletin du Groupe d'études tchèques et slovaques. 1980. № 1. P. 11–29; Marès A. Louis Leger et Ernest Denis. Profil de deux bohémisants français au 19e siècle // Ferenčuhová B. (ed.) La France et l'Europe centrale. Les relations entre la France et l'Europe centrale en 1867–1914. Bratislava, 1995. P. 63–82.

⁶² Его монография «Франкофильство и чешская идентичность» вышла на французском языке в 2002 г. При написании диссертации использовался чешский перевод этой работы: Reznikow S. Frankofilství a česká identita (1848–1914). Praha, 2008.

⁶³ Kann R. The multinational Empire. Vol. 1–2. New York, 1950; Kann R. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Bd. 1–2. Graz – Köln, 1964.

⁶⁴ Bradley J. F. N. Czech Pan-Slavism before the First World War // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. 40. № 94. P. 184–205. Bradley J. F. N. Czech nationalism in the light of French diplomatic reports, 1867–1914 // The Slavonic and East European Review. 1963. Vol. 42. № 98. P. 38–53.

⁶⁵ Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913.

⁶⁶ Никитин С.А. Славянские съезды шестидесятых годов XIX в. // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 гг. / под общ. ред. Н.М. Дружинина. М., 1948. С. 16–104. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.

⁶⁷ Ратнер Н.Д. О проекте австро-чешского соглашения 1871 г. // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX – начале XX в. Отв. ред. И.С. Миллер. М., 1974. С. 324–353.

⁶⁸ Леонова В.В. Политическая борьба в чешском обществе в 60 – начало 70-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1985.

⁶⁹ Чешская нация на заключительном этапе формирования. Отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1989.

⁷⁰ Славянские съезды XIX–XX в. Отв. ред. Е.П. Аксенова, А.Н. Горяинов, М.Ю. Досталь. М., 1994; Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. Отв. ред. М.Ю. Досталь. М., 1998; Славянские форумы и проблемы славяноведения. Отв. ред. М.Ю. Досталь, И.В. Крючков. М. – Ставрополь, 2008.

Ненашева⁷¹ и Н.В. Киселькова⁷². В начале 2020-х гг. монография О.В. Павленко⁷³ стала заметным событием в отечественной славистике.

В качестве обобщающего вывода следует признать, что большая степень разработанности темы диссертации в мировой историографии привела не только к формированию консенсуса по некоторым ее существенным аспектам, но и к разногласиям. В частности, имеются разные оценки чешских заграничных акций — от резко отрицательных до положительных. Хотелось бы отдельно отметить и неоднозначную трактовку соотношения чешского русофильства и франкофильства в мировой историографии. В разных странах ориентация и поиск поддержки у Российской империи порой оценивались как регрессивное течение общественной мысли и политической практики. Франкофильство же, наоборот, рассматривается как исключительно прогрессивное явление. Думается, такому взгляду наряду с политической конъюнктурой может способствовать изучение в работах преимущественно одного или другого направления чешской политики. До сих пор не существует публикации, в которой русофильство и франкофильство чехов анализировались бы синхронно и в равной степени.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в исторической литературе установлена тесная взаимосвязь между действиями Национальной партии на внешнеполитической сцене и поиском союзников внутри Габсбургской монархии для решения чешского вопроса.

В работе на основе вводимых в оборот архивных материалов получила отражение непосредственная реакция российских властей, дипломатов и общества, интересовавшегося славянским вопросом, на тактику чехов как внутри монархии Габсбургов, так и за ее пределами.

⁷¹ Ненашева З.С. Русский православный храм Святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах. М., 2007.

⁷² Киселькова Н.В. Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е – 70-е гг. XIX в. (по материалам архива М.Ф. Раевского): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2008.

⁷³ Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023.

Использование большого пласта изданных источников, до сих пор не задействованных в богемистике, позволило детализировать отношение МИД Франции и его представительств к чешскому национальному движению, раскрыть восприятие чехов французской общественностью.

Чешско-польские связи впервые рассматриваются в контексте контактов чехов как с французскими, так и российскими представителями. Подробно рассмотрена мотивация лидеров Национальной партии по привлечению польских политиков в качестве потенциальных союзников.

Чешско-югославянское взаимодействие анализируется не только как благоприятная почва для развития внутри- и внешнеполитического видения у лидеров Национальной партии, но и как фактор, влияющий на их диалог с российской стороной.

Что касается взглядов чешской элиты во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг., то в работе выявлено чередование радикального (проект центральноевропейской конфедерации) и умеренного (австрофедералистского) подходов к решению чешского вопроса. Также автору удалось на основе архивных документов уточнить, что за Фундаментальными статьями (1871 г.) стоял долговременный проект федерализации Цислейтании.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. При написании работы был введен в научный оборот целый ряд новых материалов из архивов и периодических изданий. Они позволяют расширить представление о масштабе чешского национального движения, целях, мотивах и тактике его представителей. Выводы диссертации могут быть полезны при разработке учебных курсов, посвященных политическому пространству монархии Габсбургов, ее национальной политике, истории международных отношений и дипломатии, а также истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности обеспечивается использованием большого круга

исторических источников, хранящихся в фондах российских и чешских архивов, а также французских, чешских и российских библиотек. Основные положения диссертации изложены в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых журналах, определенных п. 2.3. Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова. Промежуточные результаты исследования были представлены в ходе четырех международных и всероссийских научных конференций. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положения, выносимые на защиту:

1. Апелляция чешской элиты к славянской идее усиливала национальное самосознание и стремление сблизиться с зарубежными славянами. Историко-правовая связь земель короны святого Вацлава с германским регионом определила внимание чехов к политике Вены и общим центральноевропейским проблемам. Поэтому их австрославизм и австрофедерализм имели геополитическую составляющую, а государственное историческое право чешские деятели использовали для оценки имперской и в целом европейской политики.

2. Восприятие России чехами было крайне сложным. К середине 1860-х гг. в риторике Национальной партии соседствовали противоречивые образы восточного соседа: 1) угроза для малых австрийских народов в случае расширения и создания «универсальной монархии» (в духе «Письма во Франкфурт» 1848 г. Ф. Палацкого); 2) защитница славян на фоне притеснительной политики Вены; 3) соперник Габсбургской империи за влияние на Балканах; 4) потенциально один из ее главных союзников в Европе. Использование каждого из образов диктовалось политическим моментом.

3. Имидж Франции как традиционного врага немцев был очень привлекателен для чехов, но симпатии к этой стране в стане Национальной

партии колебались из-за политики Наполеона III, а затем – игнорирования высшими властями Третьей республики чешских интенций по сближению.

4. Чехи видели в поляках союзников против централизма и дуализма, но расходились с ними во взглядах на Россию и тактику отстаивания своих требований перед Веней. Ф.Л. Ригер стремился преодолеть русско-польский антагонизм, убежденный, что Россия тогда сможет оказывать полноценную поддержку австрийским славянам. Консолидация последних перед «германской угрозой» тоже была важным мотивом в его намерениях. Польский фактор стимулировал чешско-французские контакты и усложнял чешско-российские отношения. Связи с югославянами (преимущественно с хорватами) были политически устойчивее. Симпатии к иллиризму и югославизму влияли на представления в Национальной партии об идеальной внешней политике Габсбургов.

5. По мысли партийных вождей, приоритетами Австро-Венгрии на международной арене должны были стать: покровительство зарубежным славянам на Балканах, сближение с Францией (как антиподом Пруссии) и Россией (как защитницей славян), противодействие усилению Берлина в Европе. Франкофильство и русофильство в планах партийных деятелей ценностно дополняли друг друга и не противопоставлялись.

6. Наиболее остро внешнеполитический фактор в деятельности Национальной партии проявил себя в период борьбы чехов за Фундаментальные статьи. Россия не поддержала этот проект не только из-за неизбежного пересмотра статуса Галиции в структуре федерализованной Цислейтании. Убежденность руководства Национальной партии в необходимом усилении австро-венгерского влияния на Балканах была для Санкт-Петербурга заведомо неприемлема. Франция была заинтересована в укреплении связей с монархией Габсбургов и Россией, но чешские планы, по ее мнению, этому препятствовали. В Германии, в свою очередь, не желали, чтобы чехи помешали сближению Вены и Берлина. Все три державы видели в Дунайской империи важный элемент баланса сил в Европе. Чешские

деятели со своей упорной фрондой на внутривнутриполитическом поле выглядели дестабилизирующим фактором.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его объект и предмет, цели и задачи, хронологические рамки, научная новизна, практическая и теоретическая значимость. В обзоре источников и историографии характеризуются источники, задействованные в диссертации. Также рассмотрены публикации в чешской, французской, отечественной, немецко- и англоязычной историографиях по обозначенному кругу проблем. Дана оценка степени научной разработанности темы исследования.

В **первой главе** «Предпосылки и генезис чешского русофильства и франкофильства. Поляки и югославы в контексте австрославистской программы чехов (первая четверть XIX в. – 1850-е гг.)» делается экскурс в историю становления чешских связей с российскими, французскими, польскими и югославянскими общественными деятелями и учеными.

В **первом параграфе** доказывается, что пророссийские настроения среди чехов изначально развивались в рамках всеславянства. Одновременно чешские общественные деятели смотрели на Россию сквозь призму либеральных ценностей, что делало ее образ в их глазах неоднозначным. В период польского восстания 1830–1831 гг. призывы разделять официальную Россию и русский народ были предпосылкой к формированию критического взгляда на ее систему правления. Тем не менее русофильство оставалось незаменимым помощником для чехов, их понимания славянского мира.

В 1840-е гг. росло взаимодействие между чешскими будителями и славянофилами. Особое место в этих условиях занимала фигура К. Гавличека. Критикуя правительство России за агрессивные взгляды в отношении славян, он предлагал чехам держать дистанцию в контактах с этой страной. В период «весны народов» молодая чешская элита надеялась на скорые перемены в статусе чешских земель в рамках преобразованной Австрийской империи. В таком контексте образ России как охранителя славянства оказывался невостребованным. Теперь в глазах чешских либералов она стала символом угрозы с Востока. Однако неудовлетворенность политикой Вены подтолкнула в конце 1850-х гг. Ф. Палацкого и Ф.Л. Ригера к установлению связей с российскими дипломатами в Вене.

Во **втором параграфе** отмечается, что взаимный интерес французов и чехов, их представления друг о друге, связи, контакты на протяжении XIX в. не были стабильны. В 1830-е гг. на становление чешско-французских связей косвенно повлияло восстание поляков 1830–1831 гг. Восточный вопрос, польская пропаганда, страх перед российскими замыслами – реальными или вымышленными – способствовали появлению во Франции работ, впервые затрагивавших славянскую тематику.

В 1840-е гг. важным событием стало открытие кафедры славянского языка и литературы в Коллеж де Франс. Тогда же появлялось всё больше информации о чехах и славянах в целом. Однако проблема отсутствия интереса к славянам у истеблишмента все-таки определяла общую тенденцию чешско-французских взаимоотношений.

В 1848–1849 гг. надежды чехов на внимание Франции к ним связывались с тем, что в Париже тоже видели угрозу в немецком объединительном движении. Рост чешских симпатий к стране коррелировал с увеличивавшимся разочарованием в политике Вены, отказывавшейся от уступок. В этом плане механизмы возникающего франкофильства были весьма схожи с возрождением русофильства. Революционная эпоха не стала

временем, когда чешская и французская сторона сблизились друг с другом. Скорее, она дала толчок росту взаимного интереса. Но так или иначе, в 1850-е гг. чешское франкофильство все еще находилось в зачаточном состоянии.

В третьем параграфе делается вывод, что отношение формирующегося чешского национального сообщества к полякам было сложным. Общественная жизнь у двух народов в 1830–1840-е гг. показывала, что интересы у национальных элит не всегда совпадали, а порой вступали в противоречие. Разная трактовка славянской взаимности, противоположный взгляд на Россию, неодинаковое отношение к австрославизму, различное восприятие границ дозволенного в тактике национальной борьбы приводили к трениям во время больших политических перемен. Другой характер развития подталкивал чешских деятелей чаще искать опору в многосоставном целом – славянском или австрославянском. Одновременно они ожидали от родственных народов схожих интенций. Все это делало в их глазах главную цель польских патриотов – достижение независимости – неоднозначной.

В четвертом параграфе постулируется, что чешско-югославянские отношения развивались последовательно, причем, в отличие от связей чехов с поляками, в однозначно позитивном ключе. Но взаимоотношения строились в условиях ограниченных возможностей для совместной легальной политической деятельности. События 1848–1849 гг. стали важным прецедентом сотрудничества чехов и югославян. Австрославизм, проект федерации, участие в работе Славянского съезда 1848 г., личные контакты между радикалами повысили уровень информированности населения в чешских землях о своих собратях. Чешско-югославянские контакты в 1848–1849 гг. концептуально предшествовали совместной деятельности того же характера в 1860-е гг.

Во второй главе «Национальная партия в поиске партнеров внутри монархии Габсбургов и на внешнеполитической сцене

(начало 1860-х гг.)» анализируются первые шаги нового политического объединения.

В первом параграфе доказывается, что в основе партийной идеологии изначально лежало естественное право, а в политической тактике акцент делался на союзе со шляхтой и формировании австрофедералистского блока в рейхсрате (в сотрудничестве с поляками, хорватами и словенцами). Острая потребность в союзниках свидетельствовала о неуверенности в своих силах и одновременно прагматичности чешских политиков. Большинство членов Национальной партии не имело связей в высшем свете, а также политического и управленческого опыта на общегосударственном уровне.

Тактика «пассивной оппозиции» знаменовала собой неучастие чехов в перестройке монархии. Чешские деятели своим уходом из парламента не только ограничили свои возможности публичной деятельности в рамках империи, но и ослабили позиции своих союзников-славян. Политический расчет превалировал над представлениями о «славянском братстве».

Во втором параграфе утверждается, что в начале 1860-х гг. для чешской политической дискуссии стали крайне важны Великие реформы в России. Чехи полагали, что империя Романовых благодаря преобразованиям возвращала себе русский характер. Были надежды, что эти изменения могут привести страну к более «славянской» внутренней и внешней политике. Такие настроения подпитывало взаимодействие с российскими дипломатами, следившими за событиями в чешских землях, и награждение российскими орденами группы чешских общественных деятелей.

Между тем, выход сочинения Ригера «Австрийские славяне и мадьяры» знаменовал собой едва ли не первую в XIX в. публичную попытку чехов познакомить Францию со славянским вопросом в монархии Габсбургов. Помимо того, что данный цикл является ярким примером чешской пропаганды за границей, он также стал предтечей программных документов Национальной партии.

В **третьем параграфе** анализируется, как противоположные оценки Январского восстания в Царстве Польском привели к расколу Национальной партии, обострению противоречий между старочехами и младочехами. При этом Ригер и Палацкий оказались в щекотливом положении, когда им требовалось обосновать свою непопулярную позицию в общественном мнении, не высказываться резко против действий российского правительства, но и не потерять влияние на чешскую политику. С этой задачей им не без труда удалось справиться.

В **третьей главе** «Национальная партия в новых политических условиях в монархии Габсбургов (середина 1860-х гг.)» рассматривается, как чешское объединение пыталось противостоять дуализации монархии Габсбургов, особенно после австро-прусской войны 1866 г.

В **первом параграфе** отмечается, что программа партии кристаллизировалась благодаря протесту чешских политиков против австро-венгерских переговоров. Работа Палацкого «Идея государства австрийского» знаменовала переход к концепции австрофедерализма, обоснованием которого стали комбинация исторического и естественного права, возвращение к апелляции к славянству ввиду игнорирования Веней чешских требований.

Во **втором параграфе** показывается, что австро-прусская война явилась поворотным моментом не только для Габсбургов и истеблишмента, но и для чехов. В результате руководители партии (отчасти в сотрудничестве с другими славянскими федералистами) разработали не только альтернативу дуализму, но и внешнеполитическому курсу государства: оно должно было вести нейтральную линию и стать «Дунайской Швейцарией».

В **третьем параграфе** анализируется выступление Ригера в богемском ландтаге 6 апреля 1867 г., во время которого он озвучил свой взгляд на деятельность Министерства иностранных дел страны. Он видел его задачу в том, чтобы сделать приоритетным балканское направление. Это выступление свидетельствовало о его сложном отношении к империи Романовых и

содержало три ее образа: 1) угроза малым народам Центральной Европы; 2) радикальная альтернатива для чехов на фоне негативной внутренней политики Вены; 3) соперница Габсбургской монархии на Балканах. Кроме этого, Ригер представил свой образ идеальной Австрии: это федерация, проводящая славянскую внутреннюю и внешнюю политику. Его речь демонстрировала амбиции чешского национального движения, стремление его участников придать ему международный характер и включить в европейский контекст.

В **четвертой главе** «Изменение масштаба связей с французскими и российскими деятелями и его противоречивые результаты (апрель 1867 г. – июнь 1870 г.)» показано, что импульсом для заграничных акций Национальной партии стали как внутривнутриполитические неудачи, так и страх перед распадом монархии Габсбургов и поглощением чешских земель Пруссией. Партийное руководство старалось заручиться поддержкой властей во Франции и России, чтобы защитить чешские земли от внешней агрессии и помочь Национальной партии переориентировать международную политику Вены.

В **первом параграфе** делается вывод, что в Париже Ригер и Палацкий смогли наладить связи с некоторыми крупными общественными деятелями, представителями интеллигенции. Однако реальных плодов их пропаганда чешских замыслов не принесла. Более того, лидеры старочехов обнаружили, что основная часть общественности приветствовала австро-венгерский дуализм. Вдобавок они скомпрометировали себя в глазах французского общественного мнения последующей поездкой в Россию.

Во **втором параграфе** отмечается, что Славянский съезд 1867 г. не стал для чехов местом обретения поддержки. В России ведущие представители старочехов говорили о необходимом духовном сближении славян и призывали официальный Санкт-Петербург встать на их защиту (в самом общем смысле). Речь Ригера в Сокольниках была спланированной акцией, корни которой уходили в его встречи с польскими эмигрантами в

столице Франции. Признание империей Романовых права поляков на «народное существование» он считал принципиально важным не только для сплочения славян и покровительства им со стороны мощной северной державы, но и для предотвращения возможного сближения поляков и немцев. Однако он делал неоправданно большую ставку на царское правительство и недооценивал «польскую травму» у российского общества.

В третьем параграфе заключается, что контакты чехов со славянофилами и французским принцем Жеромом Наполеоном в Праге весной 1868 г. следует признать безрезультатными. Встречу крупных фигур австрийских славян с российскими общественными представителями в Стромовке можно рассматривать как попытку последних прозондировать настроения в славянских национальных движениях. Она показала по-прежнему сложное отношение чехов к России. Даже в младочешском лагере отсутствовала единая точка зрения на проекты российских деятелей. Что касается французского направления, то из-за стремления старочехов к многовекторной политике за пределами Габсбургской монархии за ними по-прежнему тянулся «панславистский» шлейф. Поэтому племянник Наполеона III не проявил интереса к чешскому проекту федерализации Австро-Венгрии.

В четвертом параграфе утверждается, что результатом поездки Ригера весной 1869 г. в Париж стал рост заинтересованности некоторых французских государственных лиц чешским вопросом (Г. Корню, В. Дюрюи). На этих переменах сказалась дружба лидера старочехов с общественными и культурными деятелями, имевшими связи в официальной среде. Эти два обстоятельства выгодно отличали контакты лидера Национальной партии с французами от его отношений с представителями российской общественности.

В пятом параграфе делается вывод, что аудиенция у французского императора, вручение ему лидером Национальной партии меморандума внешне выглядела одним из успехов чешской политики 1860-х гг. Однако из-за веры в проект дуализма, желания заключить с Веней антипрусский

союз монарх не воспринял доводы Ригера. Текст документа (в искаженном виде) разгромила австронемецкая пресса, французские издания публиковали смешанные отзывы, российские дипломаты в Вене отнеслись к нему с большим скепсисом. В результате позиции Ригера в партии несколько ослабли, в том числе из-за критики младочехов.

В **шестом параграфе** отмечается, что на рубеже 1860–1870-х гг. на фоне неудач своего вождя Национальная партия стала ориентироваться на сотрудничество с известными российскими деятелями. Об этом свидетельствовало их согласие открыть в Праге православный храм – с перспективой учреждения консульства. Они проявляли инициативу и расторопность в деле, начатом М.Ф. Раевским и Г.А. Комаровским. Российский МИД и Синод, соблюдая большую осторожность, одобрили проект, но в очень усеченном виде. События развивались в целом на руку чехам, но их мечты о российском консульстве реализовались лишь в 1910 г.

В **пятой главе** «Кульминация и крах инициатив старочехов (июль 1870 – октябрь 1871 гг.)» показывается, как на ведущих представителей Национальной партии повлиял конфликт между Францией и Пруссией и что поспособствовало началу австро-чешских переговоров. Кроме того, внимание уделяется таким проблемам, как смысл Фундаментальных статей и причина их провала.

В **первом параграфе** показывается, что победы Берлина во франко-прусской войне не только способствовали росту чешского франкофильства, но и усилили опасения в рядах Национальной партии относительно «прусской угрозы». Этот страх побудил чехов к интенсификации сотрудничества с хорватами, галицийскими поляками и актуализировал стремления установить контакты с новым российским посланником в Вене Е.П. Новиковым. Неудача в последнем направлении была компенсирована взаимодействием с французскими дипломатами А. Лефевром и Э. Пико.

Во **втором параграфе** доказывается, что «Промемория чешских либеральных политиков о внешней политике» стала не только их попыткой

показать несогласие с дуализмом, не только результатом обсуждений текущей ситуации с французскими представителями, но и способом высказаться по поводу актуального международного положения в пользу Франции и России. Впрочем, обе державы оказались незаинтересованными в чешских заявлениях.

В третьем параграфе анализируется деятельность чешских лидеров в феврале 1871 г., когда наметились сдвиги в их противостоянии с Веной. Тогда же стало очевидно, что французская сторона проиграла войну. Приход к власти К. Гогенварта давал Ригеру надежду на «славянский» поворот во внутренней и внешней политике страны. Это воскрешало его расчеты на сближение Австро-Венгрии и России. В подобных условиях необходимость в «смычке» Ригера с Францией отпадала. Данный сюжет хорошо характеризует прагматизм чешской политической элиты.

В четвертом параграфе отражена позиция России, Франции и Германии в отношении инициатив чехов в феврале-октябре 1871 г. и их возможного компромисса с Веной. Российская дипломатия не воспринимала чешских представителей в качестве потенциальных партнеров. Е.П. Новиков видел в них расчетливых политиков, не склонных учитывать интересы гипотетических союзников. Александр II и глава МИД А.М. Горчаков воспринимали их скорее как политических авантюристов, подверженных радикальным теориям и мечтающих о республике. Для Франции к осени 1871 г. важной внешнеполитической задачей являлась опора на Австро-Венгрию и сближение с Россией. При этом французские дипломаты в столице Австро-Венгрии предупреждали: из страха перед «федералистской коалицией под чешским руководством» Вена может пойти на тесный союз с Германией, нежелательный для Парижа. Германский император Вильгельм I и канцлер О. фон Бисмарк видели в удовлетворении Францем Иосифом I чешских требований препятствие для сближения двух соседних империй, необходимое для гегемонии Берлина в Центральной Европе.

В пятом параграфе обосновывается утверждение, что смысл Фундаментальных статей – результат австро-чешских переговоров – заключается в федерализации Цислейтании, а не триализации монархии Габсбургов. В более отдаленной перспективе австрийская часть монархии должна была состоять из четырех или пяти автономных групп земель. С целью надавить на Вену и добиться принятия Фундаментальных статей Ригер вновь желал привлечь на свою сторону Россию и Францию. Однако те отвергли рискованный, по их мнению, проект, в то время как вмешательство Германии привело к отказу Франца Иосифа I подписывать документ. Этот факт знаменовал собой провал Национальной партии в поиске союзников в монархии Габсбургов и за ее пределами для решения чешского вопроса и обретения чехами влияния на имперские и тем самым на европейские дела.

Заключение

Чешское внешнеполитическое видение начало зарождаться задолго до 1860-х гг. и к тому времени прошло важный этап развития. Еще в 1848 г. австрославизм Ф. Палацкого имел вполне обоснованное геополитическое измерение. С этого момента внешнеполитический фактор занял прочное место в его воззрениях. Надеясь Габсбургскую монархию исторической миссией и рассуждая об угрозах для малых народов Центральной Европы со стороны германского региона и России, он в уже достаточно четком ракурсе сформулировал собственный взгляд на австрийскую внешнюю политику.

Появившись в 1860 г. на фоне либерализации общественной жизни в Габсбургской империи, Национальная партия очень быстро вступила в политическую игру. Бесспорный авторитет в чешских землях и лидирующие позиции Палацкого в этой организации привели к тому, что его взгляды оказались в основе ряда ее акций.

Главным требованием чешских национальных сил стала федерализация Австрийской/Австро-Венгерской империи (в 1871 г. – лишь ее западной половины), автономия объединенных чешских земель (или по крайней мере Богемии) в ее составе.

Политические условия не благоприятствовали реализации замыслов Национальной партии. Пассивная оппозиция (1863–1879 гг.) не приносила позитивных результатов, а лишь отдаляла чешских политиков от общеимперских дел. Безусловно, огромную роль сыграли и не зависящие от них внешние обстоятельства. Поражение Габсбургов в австро-прусской войне стало мощным толчком к дуализму. Руководство Национальной партии оказалось неспособным повлиять на политику австро-венгерской элиты.

При этом некоторые важные события из жизни Национальной партии необходимо рассматривать как реакцию не только на австрийскую внутриполитическую повестку, но и международный контекст. Концепции исторического и естественного права использовались для оценки как имперской политической жизни, так и общеевропейских событий.

Славянские политики монархии Габсбургов не располагали большим количеством площадок для совместной политической деятельности. Пожалуй, среди них применительно к 1860-м гг. был лишь рейхсрат. Своим уходом из парламента чешские деятели утратили влияние на характер его работы. Члены Национальной партии проявили непоследовательность: инициировав создание австрославянского блока в парламенте, они сами же ослабили его значение. В свою очередь, Вена успешно пользовалась тем, что лидеры австрийских славян отстаивали прежде всего собственные требования.

После победы дуализма Ф.Л. Ригер и Ф. Палацкий поставили задачу поднять чешский вопрос на международный уровень. Поддержка России и Франции была нужна обоим в том числе для давления на власть. Поэтому заграничные акции представителей Национальной партии являлись

продолжением их внутривполитической линии. Однако нельзя лишь этим обосновывать мотивы и действия пражских деятелей.

Для Национальной партии решение чешского вопроса тесно увязывалось с экзистенциальными проблемами существования монархии Габсбургов: превращение ее в федерацию. Такая перемена привела бы в глазах чехов к внутреннему и международному укреплению империи, помогла бы избежать ее распада и поглощения северным соседом.

Эта концепция не была идеалистической. Преобразование в федерацию по проектам Национальной партии так или иначе обеспечило бы чехам лидирующие позиции в политике страны. А провозглашение прославянского курса открывало им доступ к высшим сферам управления. Воплощенные в линии МИД принципы славянской взаимности явились бы обоснованием для экспансии на Балканах. Все это вкупе должно было стать гарантией для превращения чешской нации в лидирующую среди малых народов Габсбургской монархии. В данном контексте попытки заручиться поддержкой Франции и России следует рассматривать как политический инструмент.

Восприятие России чехами было противоречивым и зависело от политической конъюнктуры. В первой трети XIX в. это был мифологизированный образ защитницы славян. В 1840-е гг. на фоне роста политического самосознания чешской элиты, ее (само)уверенности в укреплении положения чешских земель в монархии отношение к восточному соседу стало негативным. После «весны народов» и в 1850-е гг. в общественную мысль вернулись мотивы славянской взаимности и некритическое русофильство. Чешские деятели надеялись, что в пореформенный период «северный колосс» откажется от консервативного характера своей политической системы. Они предполагали, что в числе важнейших направлений его внешней политики окажутся и славянские интересы.

Образ Франции в некоторой степени был более однозначен. Это была прогрессивная либеральная страна, соперник Пруссии и немцев в целом. Дополнительные симпатии чехов вызывала фигура Наполеона III. Он провозгласил «принцип национальности» приоритетом своей внешней политики, что порождало в них надежду на его помощь национальным движениям в Центральной Европе.

Впрочем, восприятие Франции имело негативные тона. Они были связаны с непредсказуемой политикой ее монарха, его двусмысленной ролью в отношениях с Веной накануне и во время австро-прусской войны. Воплощение им «принципа национальности» на практике мало соответствовало чешским чаяниям. И, самое главное, несмотря на симпатии ряда общественных, научных и политических деятелей, высшие эшелоны власти в большинстве своем не проявляли интереса к чехам как возможным союзникам. Поэтому надежды чешских политиков на эту страну сменялись разочарованиями. При этом Ф. Палацкий неизменно относился к Франции критичнее, нежели Ф.Л. Ригер.

По нашему мнению, русофильство и франкофильство в чешской политике нельзя противопоставлять друг другу. Оба течения за редкими исключениями имели схожую динамику развития, взаимодополнялись или по крайней мере не вступали в конфликт.

Кроме того, французское и российское направления имели близкое ценностное наполнение. Во-первых, это касается их антинемецкого характера: Франция – враг немцев исторически, а Россия как славянская держава – «по крови». Во-вторых, первая олицетворяла собой просвещенную и либеральную Европу, однако и Россия благодаря Великим реформам тоже стала двигаться в сторону либерализма. Такими рассуждениями Ригер и Палацкий нивелировали различия между политическим строем, идеологией, общественным климатом двух стран.

Что касается польского фактора в чешской политике, то интересы у элит обоих народов не всегда совпадали, а порой вступали в противоречие.

Разная трактовка славянской взаимности, неодинаковое отношение к австрославизму, противоположный взгляд на Россию приводили к трениям во время больших политических перемен.

В 1860-е гг. стремление чешских политиков сотрудничать с югославянскими лидерами монархии диктовалось, во-первых, славянской взаимностью, во-вторых, общими политическими интересами и схожим восприятием австрийской внешней политики (союз с Францией и Россией). Однако взаимодействие со словенцами и сербами оставался ситуативным и неустойчивым. Наиболее последовательными связи лишь с хорватами.

По крайней мере с 1866 г., после австро-прусского конфликта, Ф.Л. Ригер начал смотреть на Балканы как на главное направление для австрийской экспансии. В 1871 г. он уже точно желал, чтобы австрийские «иллиры» стали центром притяжения для южных славян на Балканах. Таким образом, он допускал, что ирредентизм и югославизм могут стать инструментами политики австрийских славян на международной арене.

Однако в существовавших условиях Ригер и Палацкий могли лишь надеяться на «попутный ветер». При этом они не могли знать о секретных договоренностях между державами. Показательно, например, что в конце 1860-х – начале 1870-х гг. партийное руководство по-прежнему делало ставку на сближение с Францией и Россией, хотя обе страны уже были по разную сторону баррикад на международной арене. Сближение Берлина и Петербурга, им, судя по всему, казалось противоестественным.

Красноречива и оценка чешскими лидерами прусской угрозы. После 1866 г. в Национальной партии были убеждены в неизбежном нападении Пруссии на Австро-Венгрию, ее расчленении и захвате Цислейтании. Под давлением таких страхов и с учетом трактовки смысла чешской истории деятели организации верили в скорое и роковое столкновение славянского и германского миров, которое радикально преобразит Европу. В этом плане они оставались заложниками собственных представлений.

Франция, Пруссия (Германия) и Россия были крайне заинтересованы в Дунайской империи как факторе баланса сил. Понимая всю остроту проблемы межнациональных отношений в этом государстве, они опасались радикальных, рискованных преобразований в сердце Европы. Такой охранительный подход не оставлял чехам шансов на поддержку своего проекта. Дуализм виделся неидеальным, но приемлемым вариантом в сложной ситуации. А чехи со своей упорной фрондой на внутривполитическом поле монархии Габсбургов, только что пережившей серьезнейшие преобразования, выглядели как раз дестабилизирующим элементом.

Наиболее драматично внешнеполитический фактор в деятельности Национальной партии проявил себя в период борьбы за Фундаментальные статьи, которые должны были стать первым шагом на пути к федерализации Цислейтании. Российская империя отказалась от поддержки чешского национального движения по двум причинам. Во-первых, успех чехов неминуемо привел бы к изменению положения Галиции в австрийской части империи. Во-вторых, лидер Национальной партии выступал за расширение австро-венгерского присутствия на Балканах. Париж стремился к союзу с Австро-Венгрией и Россией, однако считал, что чешские амбиции мешают этому сближению. Германская империя также противилась чешским устремлениям, справедливо опасаясь, что они могут воспрепятствовать укреплению германо-австрийских отношений, чего добивался Бисмарк.

Поиск зарубежных союзников в лице Франции и/или России для реализации проекта «Дунайской федерации» не был чешским изобретением. Такую линию можно проследить у некоторых польских, хорватских и словенских политиков. Сравнительное исследование, сосредоточенное на взаимосвязи этих проектов, представляется перспективным для более глубокого понимания славянских национальных движений во второй половине XIX – начале XX вв.

**Список работ, опубликованных автором по теме диссертации в
рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в
диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук**

1. *Ксенофонов И.А.* «Польский фактор» в деятельности Франтишека Ладислава Ригера (1849–1871 гг.) // Человеческий капитал. 2021. № 11 (155). С. 21–32. EDN: HQCBZR. Импакт-фактор 0,585 (РИНЦ). 1,25 п.л.

2. *Ксенофонов И.А.* Чешско-французские политические контакты в начале 1870-х гг. // Исторический журнал. Научные исследования. 2021. № 5. С. 21–28. EDN: KXUWIF. Импакт-фактор 0,25 (РИНЦ). 0,56 п.л.

3. *Ксенофонов И.А.* Франтишек Ладислав Ригер и его программа преобразования монархии Габсбургов: государственное историческое право // Клио. 2021. № 11 (179). С. 52–56. EDN: DWSCVL. Импакт-фактор 0,182 (РИНЦ). 0,81 п.л.

4. *Ксенофонов И.А., Ненашева З.С.* Чехи и Россия: проблема взаимоотношений в условиях кризиса начала 1870-х гг. в монархии Габсбургов // Клио. 2024. № 4 (208). С. 40–48. EDN: CEUILV. Импакт-фактор 0,206 (РИНЦ). 1,69 п.л. Объем авторского вклада: 75%.